

**ТЕТРАДЬ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ**

ученика _____ класса

школы № _____

к уроку «Творчество И. Шмелева»

Рязань
2014

Рабочая тетрадь служит формированию читательских и аналитических компетенций на уроках литературы в 6 классе при изучении творчества Ивана Шмелева: главы «Рождество» из книги «Лето Господне».

Вопросы, сопровождающие текст произведения, приблизят ученика к авторскому слову, помогут соотнести его с собственным жизненным опытом, подготовят к восприятию особенностей стиля автора, образной природы литературы как явления словесного искусства.

Из ряда заданий для самостоятельной работы шестиклассник сможет выбрать то, что наиболее ему интересно, более точно, на его взгляд, соответствует цели урока. Выполнение некоторых заданий позволяет организовать индивидуальную и коллективную проектную деятельность обучающихся.

Редактор:

Н.И. Ширенина – директор МАОУ «Лицей №4», заслуженный учитель РФ.

Рецензент:

О.Е. Воронова – доктор филологических наук, профессор РГУ им. С.А.Есенина.

Писатель сильного темперамента, страстный, бурный, очень одарённый и подземно навсегда связанный с Россией...

Б.Зайцев

Уважаемые читатели!

Иван Сергеевич Шмелев, очевидно, новое для вас имя. И в этом нет ничего удивительного: писатель мало издавался до недавних пор. Возможно, прежде не могли простить ему бегства из послереволюционной России. Поддавшись безмерному горю утраты единственного и горячо любимого сына Сергея, офицера Добровольческой армии, без суда и следствия расстрелянного красными в лазарете в Феодосии, Шмелев выезжает сначала в Берлин, потом в Париж. Отсюда, из чужой «роскошной» страны, с необыкновенной остротой и отчетливостью видится Шмелеву старая Россия. Из потаенных закров памяти пришли впечатления детства. Ими захотелось поделиться со своим крестником - внучатым племянником жены Ивушкой (Ивом Жантийомом), со всеми русскими детьми, жившими в эмиграции и не видевшими России.

Так родилось «Лето Господне», совершенно удивительное по поэтичности, духовному свету, драгоценным россыпям слов. Повествование о Руси православной, о приобщении детской души к чистоте, красоте, вере ведет умудренный жизнью человек - и мы поражаемся сдержанным слезам умиленной, благодатной памяти сердца, упоенному и упоительному проникновению в суть вещей, суть русского характера, России. Но сила изображения возрастает и утончается оттого, что все дается из детской души, доверчивой, трепетно отзывчивой и радостно наслаждающейся. С абсолютной впечатлительностью и точностью подслушивает ребенок звуки и запахи, ароматы и вкусы; ловит земные лучи и видит в них неземные; любовно чувствует радость и ужасается от греха; ликует от прикосновения к святости.

Так пишет Шмелев. «Писатель сильного темперамента, страстный, бурный, очень одаренный и подземно навсегда связанный с Россией, с Москвой, с Замоскворечьем. Он замоскворецким человеком остался и в Париже, ни с какого конца Запада принять не мог».

Сияет под пером Шмелева Москва - мир, исполненный истинной поэзии, патриотической одушевленности, доброты и несказанной духовной щедрости.

Чтение родной литературы с дошкольных лет убедило, кажется, нас в том, что о детстве - поэтично, красочно, солнечно, одухотворенно - можно рассказать лишь тогда, когда прошло оно в деревне или усадьбе, на русском приволье, среди природы, ее волшебных превращений. Аксаковские «Детские годы Багрова-внука» и «Детство» Л. Толстого, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина и «Детство Никиты» А. Толстого - все убеждает в этом.

Горожанин, москвич, коренной обитатель Замоскворечья - Кадашевской слободы, Иван Шмелев опровергает эту традицию. Он истово любит

Москву, Замоскворечье и его обитателей: «Весь Кремль золотисто-розовый над снежной Москвой-рекой... Что во мне бьется так, наплывает в глаза туманом? Это - мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... Кружится подо мной народ, кружится голова от гула. А внизу тихая белая река, крохотные лошадки, санки, ледок зеленый, черные мужики, как куколки. А за рекой, над темными садами, - солнечный туманец тонкий, в нем колокольни-тени, с крестами в искрах - милое мое Замоскворечье» («Лето Господне»).

Конечно, мир «Лета Господня» одновременно и был, и не существовал, преображенный в слове. «Великий мастер слова и образа, Шмелев создал в величайшей простоте утонченную и незабываемую ткань русского быта, в словах точных, насыщенных и изобразительных».

Будьте внимательны к *слову писателя!* Постарайтесь заметить особенности *языка Шмелева*, «слов, словец, словечек, где значимо каждое междометие, каждый огрех, где слышатся голоса чуть ли не со всей Руси сошедшейся толпы». Живая, теплая речь. На каждом слове - позолота.

Внимательно, осторожно читайте - не рассыпьте сокровище! Хорошо читать - значит *читать медленно*, вдумываясь в каждое слово, замечая каждую «мелочь». Ведь в художественной литературе «мелочей» не бывает: это один из видов искусства, и открывать его вам.

ИВАН ШМЕЛЕВ ЛЕТО ГОСПОДНЕ РОЖДЕСТВО

Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймешь чего - подскажет сердце.

Как будто я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он - редко, выпадет - и стаял. А у нас, повалит, - свету, бывало, не видать дня три! Все завалит. На улицах - сугробы, все бело. На крышах, на заборах, на фонарях - вот сколько снегу! С крыш свисает. Висит - и рухнет, мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают в кучи, свозят. А не сгребай - увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья. Зато весной услышишь первые колеса... - вот радость!

Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженных свиной подвозят, - скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче - белугу, осетрину, судачка, наважку; победней - селедку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество - свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, - мороженные свиньи. Окрока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, - разводы розовые видно, снежком запорошило.

А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы - к Рождеству. Обоз? Ну, будто поезд... только не вагоны, а сани, по снежку, широкие, из дальних мест. Гусем, друг за дружку тянут. Лошади степные, на продажу. А мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары. Везут свинину, поросят, индюшек, - «пылкового морозу». Рябчик идет, сибирский, тетерев-глухарь... Знаешь - рябчик? Пестренький такой, рябой... ну, рябчик! С голубя, пожалуй, будет. Называется - дичь, лесная птица. Питается рябиной, клюквой, можжевелькой. А на вкус, брат!.. Здесь редко видишь, а у нас - обозами тянули. Все распродадут, и сани, и лошадей, закупают красного товару, ситцу, - и домой, чугушкой. Чугунка? А железная дорога. Выгодней в Москву обозом: свой овес-

*Каким ты представляешь себе рассказчика: нарисуй устно его портрет, придумай историю жизни (как и почему уехал из России, кому рассказывает сейчас о Рождестве, почему именно о Рождестве?)
Отыщи сведения об истории создания книги «Лето Господне». Как изменилось твоё представление о рассказчике?*

Может ли «мерзнуть» воздух? Каковы «приметы» Рождества? Кто мог увидеть их?

Что значит «везут пылкового морозу»? Попробуй объяснить подобное словоупотребление.

Убедителен ли рассказ о рябчике? Для чего использует писатель такой прием?

то, и лошади в продаже, своих заводов, с косяков степных.

Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, - там лошадьми торговали, - стон стоит. А площадь эта... - как бы тебе сказать?.. - да попросторней будет, чем... знаешь, Эйфелева-то башня где? И вся - в санях. Тысячи саней, рядами. Мороженые свињи - как дрова, лежат на версту. Завалит снегом, а из-под снега рыла да зады. А то чаны, огромные, да... с комнату, пожалуй! А это солонина. И такой мороз, что рассол-то замерзает... - розовый ледок на солонине. Мясник, бывало, рубит топором свинину, кусок отскочит, хоть с полфунта, - наплевать! Нищий подберет. Эту свиную «крошку» охалками бросали нищим: на, разговейся! Перед свиной - поросычий ряд, на версту. А там - гусиный, куриный, утка, глухари, тетерки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, - без весов, на глаз. Бывало, фабричные впрягутся в розвальни, - большие сани, - везут-смеются. Горой навалят: поросят, свинины, солонины, баранины... Богато жили.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, - лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, - тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, - чаща. На Театральной площади, бывало, - лес. Стоят в снегу. А снег повалит, - потерял дорогу! Мужики в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках - будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукаются в елках: «Эй, сладкий сбитень! калачи го-ря-чи!...» В самоварах на долгих дужках, - сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С медом, с имбирем, - душисто, сладко. стакан - копейка. Калачик мерзлый, стаканчик сбитню. Толстенький такой, граненый, - пальцы жжет. На снежку, в лесу ... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар - клубами, как из паровоза. Калачик - льдышка. Ну, помакаешь, помягчает. До ночи прогуляешь в елках. А мороз крепчает. Небо - в дыму - лиловое, в огне. На елках иней. Мерзлая ворона попадет, наступишь - хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, - бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар - из

О чем говорит деталь «розовый ледок на солонине»?

Каково лексическое значение прилагательного «широка» в данном случае?

Обрати внимание на «сказочность» описания. Найди подобные примеры в тексте.

Это по-настоящему или выдумка?

Объясни лексическое значение слова «тепло». Обрати внимание на синтаксис предложения.

чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто - Дар Христу. Ну... будто Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь - звезды не видно?

Видно! Первая звезда, а вон - другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А звезд все больше. А какие звезды!.. Форточку откроешь - резанет, ожжет морозом. А звезды!.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то звезды больше, разными огнями блещут, - голубой хрусталь, и синий, и зеленый, - в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды - звон-то. Морозный, гулкий, - прямо серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят,- древний звон, степенный, с глухотой. А то - тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церковей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... - гул и гул.

К всенощной. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, мороз и не шипет. Выйдешь - певучий звон. И звезды. Калитку тронешь, - так и осыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко-тонко. По улице - сугробы, горы. В окошках розовые огоньки лампадок. Сады дымятся. Березы - белые виденья. Спят в них галки. Огнистые дымы столбами, высоко, до звезд. Звездный звон, певучий, - плывет, не молкнет; звон-чудо, звон-виденье, славит Бога в вышних, - Рождество.

Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый...- и почему-то видится кровать, звезды.

*Рождество твое, Христе Боже наш,
Возсия мирови Свет Разума...*

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный был всегда. И будет.

На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жметя. За мерзлым стеклышком - знакомый

Почему мы уверены, что это рассказ о детском восприятии праздника? Какие детали убеждают в этом? Выучи отрывок наизусть.

Мы уже встречались с таким авторским приемом. Назови его.

Выбери из предложенных музыкальных произведений сходные по настроению образам: «звезды - звон-то», «стелет звоном, кроет серебром».

В чем особенность эпитетов в данном отрывке?

В чем особенность описания «лавчонки»? Какие детали особенно интересны, самоценны? О чем они говорят?

Ангел с золотым цветочком, мерзнет. Осыпан блеском. Я его держал недавно, трогал пальцем. Бумажный Ангел. Ну, карточка... осыпан блеском, снежком как будто. Бедный, мерзнет. Никто его не покупает: дорогой. Прижался к стеклышку и мерзнет. Идешь из церкви. Все - другое. Снег - святой. И звезды - святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год - над этим садом, низко. Она голубоватая. Святая. Бывало, думал: «Если к ней идти - придешь туда. Вот прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он - в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!» Смотришь, смотришь - и думаешь: «Волсви же со Звездой путеше-эствуют!..»

Волсви?.. Значит - мудрецы, волхвы. А маленький я думал - волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, - думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведет их. Вот и привела. Ты видишь, Иванушка? А ты зажмурься... Видишь - кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит? Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи склонились... и цари, волхвы... И вот подходят волки. Их у нас в России много!.. Смотрят, а войти боятся. А почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь - впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут, ну и вы входите, нынче Рождество! И звезды... все звезды, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады.

Бывало, гляжу и думаю: прощай, до будущего Рождества. Ресницы смерзлились, а от звезды все стрелки, стрелки...

Зайдешь к Бушую. Это у нас была собака, лохматая, большая, в конуре жила. Сено там у ней, тепло ей. Хочется сказать Бушую, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой...

Крикнешь в контору: «Бушуйка!» Цепью загремит, проснетесь, фыркнет, подсунет мордой, добрый, мягкий.

Что обновило звезды?

Почему так интересно читать этот эпизод? Отметь необычные, «одухотворенные» метафоры и выше.

Попробуй нарисовать такую звезду.

Полижет руку, будто скажет: да. Рождество. И - на душе тепло, от счастья.

Мечтаешь: Святки, елка, в театр поедем... Народу сколько завтра будет! Плотник Семен кирпичиков мне принесет и чурбачков, чудесно они пахнут елкой!.. Придет моя кормилка Настя, сунет апельсинчик и будет целовать и плакать, скажет: «Выкормочек мой.., растешь...» Подбитый барин придет еще такой смешной. Ему дадут стаканчик водки. Будет махать бумажкой так смешно. С длинными усами, в красном картузе, а под глазами «фонари». И будет говорить стихи. Я помню:

*И пусть ничто-с за этот Праздник
Не омрачает торжества!
Поднес почтительно-с проказник
В сей день Христова Рождества!*

В кухне на полу рогожи, пылает печь. Теплится лампадка. На лавке в окоренке оттаивает поросенок, весь в морщинках, индюшка серебрится от морозца. И непременно загляну за печку, где плита: стоит? Только под Рождество бывает. Огромная, во всю плиту, - свинья! Ноги у ней подрублены, стоит на четырех култышках, рылом в кухню. Только сейчас втащили - блестит морозцем, уши не обвисли. Мне радостно и жутко: в глазах намерзло, сквозь беловатые ресницы смотрит... Кучер говорит: «Велено их есть на Рождество, за наказание! Не давала спать младенцу, все хрюкала. Потому и называется - свинья! Он хотел ее погладить, а она, свинья, щетинкой Ему руку уколола!» Смотрю я долго. В черном рыле оскаленные зубки, «пятак» как плоская. А вдруг соскочит и загрызет? Как-то она загромыхала ночью, напугала.

И в доме - Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, - другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки-звездочки, в лесу как будто... А завтра!..

А вот и - завтра. Такой мороз, что все дымится. На стеклахросло буграми. Солнце над Барминихиным двором - в дыму, висит пунцовым шаром. Будто и он дымится. От него столбы в зеленом небе. Водовоз подъехал в скрипке. Бочка вся в хрустале и треске. И она дымится, и лошадь вся седая. Вот мо-роз!..

Откуда трепетная искренность эпизода? Чем она вызвана? Каково отношение мальчика к этим героям обычно и в данный момент? Почему?

Найди толкование лексического значения слова «окоренка», пользуясь справочной литературой.

Какие детали указывают на детское видение описанного?

Укажи особенности восприятия происходящего. Объясни их.

Попробуй нарисовать «такой мороз».

Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Все мои друзья: сапожниковы, скорнячата. Впереди Зола, тощий, кривой сапожник, очень злой, выщипывает за вихры мальчишек. Но сегодня добрый. Всегда он водит «славить». Мишка Драп несет звезду на палке - картонный домик, светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые, свечка там. Мальчишки шмыгают носами, пахнут снегом.

- Волхи же со Звездой питушествуют! - весело говорит Зола.

*Волхов приючайте,
Святое стречайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет,
Молитву поет...*

Он взмахивает черным пальцем, и наминают хором:

Рождество твое, Христе Боже наш...

Совсем не похоже на Звезду, но все равно. Мишка Драп машет домиком, показывает, как Звезда кланяется Солнцу Правды. Васька, мой друг, сапожник, несет огромную розу из бумаги и все на нее смотрит. Мальчишка портного Плешкин в золотой короне, с картонным мечом серебряным.

- Это у нас будет царь Кастикин, который царю Ироду голову отсекет! - говорил Зола. Сейчас будет святое приставление! - Он схватывает Драпа за голову и устанавливает, как стул. - А кузнечонок у нас Ирод будет!

Зола схватывает вымазанного сажей кузнечонка и ставит на другую сторону. Под губой кузнечонка привешен красный язык из кожи, на голове зеленый колпак со звездами.

- Подымай меч выше! - кричит Зола. - А ты, Степка, зубы оскаль страшней! Это я от бабушки еще знаю, от старины!

Плешкин взмахивает мечом. Кузнечонок страшно ворочает глазами и скалит зубы. И все начинают хором:

*Приходили вол-хи.
Приносили бол-хи,
Приходили вол-хари.
Приносили бол-хари.
Ирод ты, Ирод,
Чего ты родился.*

Где мы уже встречались с подобным приёмом?

Для чего намеренно используются «огрехи» лексики, «неправильности» языка?

Выучи на уроке музыки рождественские песни. С каким настроением ты будешь их исполнять?

*Чего не хрестился,
Я царь Ка- стикин,
Маладенца люблю,
Тебе голову срублю!*

Плешкин хватает черного Ирода за горло, ударяет мечом по шее, и Ирод падает, как мешок. Драп машет над ним домиком. Васька подает царю Кастикину розу. Зола говорит скороговоркой:

- Издох царь Ирод поганой смертью, а мы Христа славим-носим, у хозяев ничего не просим, а чего накладут - не бросим!

Им дают желтый бумажный рублик и по пирогу с ливером, а Золе подносят и зеленый стаканчик водки. Он утирается седой бородкой и обещает зайти вечером спеть про Ирода «подлинней», но никогда почему-то не приходит.

Позванивает в парадном колокольчик и будет звонить до ночи. Приходит много людей поздравить. Перед иконой поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди. И вздрагивает все на елке, до серебряной звездочки наверху.

Приходят-уходят люди с красными лицами, в белых воротничках, пьют у стола и крикают.

Гремят трубы в сенях. Сени деревянные, промерзшие. Такой там грохот, словно разбивают стекла. Это – «последние люди», музыканты, пришли поздравить.

- Береги шубы! - кричат в передней.. Впереди выступает длинный, с красным шарфом на шее. Он с громадной медной трубой и так в нее дует, что делается страшно, как бы не выскочили и не разбились его глаза. За ним толстенький, маленький, с огромным прорванным барабаном. Он так колотит в него культишкой, словно хочет его разбить. Все затыкают уши, но музыканты играют и играют.

Вот уже и проходит день. Вот уж и елка горит и догорает. В черные окна блестит мороз. Я дремлю. Где-то гармоника играет, топанье... - должно быть, в кухне.

В детской горит лампадка. Красные языки из печки прыгают на замерзших окнах. За ними - звезды. Светит большая звезда над Барминихиным садом, но это совсем другая. А та, Святая, ушла. До будущего года.

Какие евангельские события передаются в сцене? Отметь особенности народного видения великого события.

Объясни, почему «та, Святая, ушла»?

Об Иване Шмелеве

Иван Сергеевич Шмелев родился в Замоскворечье, в Кадашевской слободе (когда-то населенной кадашами, т.е. бочарами) 21 сентября (3 октября) 1873 года.

Представьте себе карту старой Москвы. Особое значение придает городу Москва-река. Она подходит с запада и в самой Москве делает два извива, переменяя в трех местах нагорную сторону на низины. С поворотом течения от Воробьёвых гор к северу высокий берег правой стороны, понижаясь у Крымского брода (ныне Крымского моста), постепенно переходит на левую сторону, открывая на правой, напротив Кремля, широкую

луговую низину Замоскворечья.

Именно этот треугольник, который образуется извивом Москвы-реки с водоотводными каналами и с юго-востока ограничен крымским валом и Вальной улицей, назывался Замоскворечье. Здесь проживало купечество, мещанство и множество фабричного и заводского народа. Толстопузое царство, допотопное Замоскворечье – «Кашины, Соповы, Бутины-лесники, Болхо, - в длинных сюртуках, важные. Барыни, в шумящих платьях, в шальях, с золотыми длинными цепочками...» Канувший в лету мир судеб и характеров, с их широтой и самодурством, истовой религиозностью и пьяными празднествами, даже с погоревшим барином, специально нанятым «для разговору» с англичанином, приглашённым на обед.

Совсем иной, однако, дух на дворе Шмелёвых, куда со всех концов России стекались рабочие-строители, красочная, разноликая и разноговорная толпа. «В нашем доме появлялись люди всякого калибра и всякого общественного положения. Во дворе стояла постоянная толчея. Работали плотники, каменщики, маляры, сооружали и раскрашивали щиты для иллюминации. Приходила получать расчёт и галдела тьма народу. Заливались стаканчики, плошки, кубастики. Пестрели вензеля. В амбарах было напихано много чудесных декораций с балаганов. Художники с Хитрова рынка храбро мазали огромные полотнища, создавали чудесный мир чудовищ и пёстрых боёв. Здесь были моря с плавающими китами и крокодилами, и корабли, и диковинные цветы, и люди со зверскими лицами, крылатые змеи, арабы, скелеты - всё, что могла дать голова людей с сизыми носами, все эти «мастаки и архимеды», как называл их отец. Эти «архимеды и мастаки» пели смешные песенки и не лазали в карман за словом. Слов

было много на нашем дворе - всяких. Это была первая прочитанная мною книга - книга живого, бойкого и красочного слова.

Здесь, во дворе, я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня очень любовно. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиваньем и рубанки, и пилу, и топорик, и молоточки и учили, как «притрафляться» на досках; среди смолистого запаха стружек я ел кислый хлеб, круто посоленный, головки лука и чёрные, из деревни привезённые лепёшки. Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки и ждал балагурства. Здесь я узнал запах рабочего пота, дёгтя, крепкой махорки. Здесь я впервые почувствовал тоску русской души в песне, которую пел рыжий маляр.

Много повидал я на нашем дворе и весёлого, и грустного. Я видел, как теряют пальцы, как течёт кровь из-под сорванных мозолей и ногтей, как бьются на стенках, как метким и острым словом поражают противника. Я здесь почувствовал любовь и уважение к этому народу, который всё мог. Он сделал то, что не могли сделать такие, как я, мои родные. Эти лохматые на моих глазах совершали много чудесного. Висели под крышей, ходили по карнизам, спускались в колодезь, вырезали из досок фигуры, ковали лошадей, брыкающихся, писали красками чудеса, пели песни и рассказывали захватывающие сказки.

Двор для меня явился первой школой жизни - самой важной и мудрой. Здесь получили толчок тысячи мыслей. И всё то, что тёплого бьётся в душе, что заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребёнка, глазами».

Отсюда эта трепетная любовь к родной Руси, талантливому ее народу; любовь, которой учил сына: «Думаю, что много хорошего и даже чудесного сумеешь увидеть в русском человеке и полюбить его, выдавшего так мало счастливой доли. Закрой глаза на его отрицательное (в ком его нет?), сумей извинить его, зная историю и теснины жизни. Сумей оценить положительное...» Любовь, которой учит нас, читателей.

Родственница Шмелева рассказывала, что был он «среднего роста, тонкий, с большими серыми глазами, владеющими всем лицом, склонными к ласковой усмешке, но чаще серьезными и грустными. Его лицо было изборождено глубокими складками-впадинами от созерцания и сострадания. Лицо прошлых веков, пожалуй, лицо старовера, страдальца».

Впрочем, так оно и было: дед Шмелева, государственный крестьянин из Гуслиц Богородского уезда Московской губернии, старовер. Кто-то из предков был ярый борец за правду, за веру еще при царевне Софье. Дед, строгий, трудолюбивый, справедливый, пробился в Москву, выстроил каменный дом, торговал посудным и щепным товаром; оставил после смерти в сундучке три тысячи - все, что собрал полувековой работой.

Особое место в детских впечатлениях, в благодарной памяти Шмелева занимает отец. «Отец не кончил курса в мещанском училище. С 15 лет помогал деду по подрядным делам. Покупал леса, гонял плоты и барки с лесом и щепным товаром. После смерти отца занимался подрядами: строил мосты, дома, раскрашивал иллюминацией Москву в дни торжеств, держал купальни, лодки, бани, ввел впервые в Москве ледяные горы, ставил балаганы на Девичьем поле. Кипел в работе. Дома его видели только в праздники. Я остался поле него семи лет...»

Семья отличалась патриархальностью, истовой религиозностью («дома я не видел книг, кроме Евангелия»). Патриархальными были и слуги. Ими помыкали и их же звали к столу в дни торжеств. Они рассказывали маленькому Ване об иконах и святых людях, сопровождали его в поездке в Троице-Сергиеву лавру. Об одном из них, Горкине, - лирические страницы «Лета Господня».

24 июня 1950 года старец Шмелев решает жить «настоящим христианином». Он, тяжелобольной, одинокий эмигрант, отправляется в обитель Покрова Божьей Матери, в 140 километрах от Парижа. В тот же день сердечный припадок обрывает его жизнь.

«Рождество» - глава одной из самых известных книг Ивана Шмелёва "Лето Господне".

ПОЯСНЕНИЯ

1. *Лето Господне* - Св. Писание. Пророчество Христу. Придя в Назаретский Храм, Христос прочел пророчество Исайи о том, что придет «помазанник Божий проповедовать Лето (эру) Господне Благоприятне», и сказал: «Ныне исполнилось писание сие...»
2. *Рождество* - христианский праздник рождения Христа, празднуемый 7 января (25 декабря по старому стилю).
3. *Эйфелева башня* - стальная башня (высота 300м, сторона квадрата основания - 123 м, вес - 9000 тонн), сооруженная по проекту А.Г. Эйфеля для Всемирной выставки 1889г как символ достижения техники 19 века. Используется как обзорная и радиотелевизионная башня.
4. *Фунт* – старая русская мера веса, равная 409,5г.
5. *Разговеться* – поесть скоромного (мясного, молочного) впервые после поста.
6. *Верста* - русская мера длины, равная 1,06км.
7. *Чан* - большая деревянная или металлическая бочка.
8. *Солонина* - засоленная говядина.
9. *Сбитень* - горячий напиток из меда с пряностями.
10. *Сочельник* - канун церковных праздников Рождества и Крещения.
11. *Звезда* (Вифлеемская звезда) - Св. Писание - звезда, зажегшаяся над городом Вифлеемом в момент рождения Иисуса Христа - сына Божия, увиденная волхвами, о чем они сообщили царю Иудейскому Ироду.
12. *Кутья* - каша, обычно рисовая, с медом, с изюмом.
13. *Шептала* – сушеные абрикосы или персики с косточкой.
14. *Образа* - то же самое, что и иконы.
15. «*Он на сене в яслях*» - перед Рождеством Христовым Богоматерь отправилась из Назарета, где она жила, в Вифлеем на перепись населения.

«И родила сына Своего... и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице». (Евангелие от Луки, 11, 7).

16. **Пасха** - великий праздник воскресения Иисуса Христа.

17. **Всенощная** - церковная ночная служба.

18. **Лампада** - небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами.

19. «**Славит Бога в вышних**» - возносит молитву во славу Иисуса Христа.

20. «**Рождество Твое, Христе Боже наш, Возсия миру Свет Разума...**» - начальные слова тропаря Рождеству Христову.

21. «**Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась**» - волхвы - мудрецы; «пришли в Иерусалим мудрецы с Востока и говорят: «Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на Востоке и пришли поклониться Ему».

22. «**И поклониться вместе с пастухами Рождеству**» - « когда ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь», и, поспешивши, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем».

23. **Святки** - праздничные дни - промежуток времени от Рождества до Крещения.

24. **Стропило** – опора для кровли: два бруса, вверху соединены под углом, внизу упираются в стену.

25. **Рогожа** - грубая упаковочная плетеная ткань из мочала.

26. **Скорняк** – мастер по выделке кожи и меха, пошиву меховых изделий.

27. «**Звезда кланяется Солнцу Правды**» - часть сцены обряда празднования Рождества, символизирующая момент появления Вифлеемской звезды при рождении Иисуса Христа.

Задания для самостоятельной работы

1. Нарисуйте карту Москвы конца позапрошлого века. Отметьте значками-символами места, связанные с именем И. Шмелева.

2. Найдите среди картин русских художников городские пейзажи, которые по настроению и изображенному материалу напоминают Москву И. Шмелева.

3. Сопоставьте Замоскворечье И. Шмелева и М.Лермонтова в «Песне о купце Калашникове», пьес А.Островского.

4. Найдите музыкальные произведения, сходные по настроению Москве И.Шмелева, М.Лермонтова, М.Цветаевой.

5. Как писатель изменяет реальный жизненный материал в изображении быта москвичей? Что становится основным в художественном произведении, что уходит на второй план?

6. Чьими глазами дано описание Москвы детства И.Шмелева в произведении? Какие детали и художественные приемы это доказывают?

7. Вспомните и объясните самые яркие, на ваш взгляд, метафоры И.Шмелева.

8. В чем особенность описаний И.Шмелева? Назовите стилеобразующие элементы.

9. Какие моменты собственной жизни приходили вам на память, когда вы читали «Лето Господне»?

10. Напишите этюд «Счастливые минуты моей жизни».

11. Что нового вы узнали о Москве, России, православных праздниках, читая произведения И.Шмелева?

12. С чем ассоциируется Рождество у вас? Напишите этюд «Рождественский вечер».

13. Попробуйте определить жанр книги «Лето Господне». Есть ли здесь сюжет? Какова основная идея произведения?

14. Какие черты национального характера отмечает И.Шмелев в книге?

15. На чем основывался И.А.Ильин, когда писал: «До Шмелева не было такого языка в русской литературе»?

16. Напишите сочинение «Москва Ивана Шмелева».

17. Какие главы книги И.Шмелева «Лето Господне» показались вам особенно интересными? Какие еще произведения Ивана Шмелёва вам было бы интересно прочесть?
